IDENTITATEA CA UN DREPT AL OMULUI CONTEMPORAN: O ANALIZĂ FILOSOFICĂ

IDENTITY AS A RIGHT OF CONTEMPORARY MAN: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

CZU: 342.7:351.755.62:340.12 **https://doi.org/10.5281/zenodo.7895213**

Ксения ГОНЧАРОВА[1]

ABSTRACT. *Modern liberal society increasingly formulates its aspirations in terms of a «right to identity», reinforcing the need to introduce this concept into the corpus of legal categories. Nevertheless, this is not a straightforward operation, as its philosophical foundations are still insufficiently explored. For this reason, the paper aims to carry out a philosophical analysis of the concept of «right to identity». In order to achieve the goal, we have defined the tasks that have been consistently implemented in the structure of the article: at the beginning was defined the essence of the concepts of «identity», «right to identity» and «right»; then their contents were correlated. The results of this conceptual analysis can be divided into two groups: first, the internal contradictions of the claim of «right to identity» and second, the contradictions between the concepts of «identity» and «right». As it seeks to recognize a certain uniqueness of the subject of law, the demand for a right to identity contradicts related philosophical legal concepts: it does not take into account the specificity of the language of law, the subject of law, the essence of the concept of «identity», the prior legal tradition and finally liberalism, from which it is derived.*

Keywords: *identity, identity theory, right to identity, identity politics, politics of identity, human rights, philosophy of law, social philosophy.*

REZUMAT. *Societatea liberală contemporană tot mai mult își formulează dorințele sale în termenii unui «drept la identitate», ce întărește necesitatea de a introduce acest concept în corpul de categorii juridice. Totuși, această operațiune nu este simplă, deoarece baza sa filosofică încă nu este destul de explorată. Din acest motiv, scopul acestui articol este de a realiza o analiză filosofică a conceptului de «drept la identitate». Pentru atingerea obiectivului am identificat următoarele sarcini care au fost implementate în mod consecvent în structura lucrării: în primul rând, a fost definită esența conceptelor de «identitate», «drept la identitate» și «drept», apoi au fost corelate conținuturile lor. Am împărțit rezultatele obținute în două grupuri de concluzii: primul grup contradicțiile interne ale conceptului de «dreptul la identitate», al doilea grup contradicțiile dintre conceptele de «identitate» și «drept». Fiind o dorință de a recunoaște unicitatea a subiectului de drept, revendicarea dreptului la identitate contrazice conceptele filosofice și juridice conexe: nu ține cont de specificitatea limbajului juridic, subiectului de drept, esenței identitatălii, tradiția juridică anterioară și, în cele din urmă, liberalismul din care derivă.*

Cuvinte-cheie: *identitatea, teoria identității, dreptul la identitate, politica identitară, drepturile omului, filosofia dreptului, filozofia socială.*

[1] Ксения ГОНЧАРОВА, Молдавский Государственный университет, https://orcid.org/0000-0002-0144-0265 goncharova.xenia@gmail.com

Введение

Начиная со второй половины XX в. общество все более погружается в состояние, как назвал его социолог Д. Рисмен, «озабоченности идентичностью» [28, p. ix]. Интеллектуалами все чаще затрагиваются проблемы расово-этнико-гендерной тематики, а категория «идентичности» фигурирует в качестве исследовательской «призмы» в большинстве рассуждений о современном обществе (K.A. Appiah, H.L. Gates [18, p. 625], S. Hall [21, p. 1] и др.).

Подобная тенденция наблюдается и в области права. Если «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» (1981) или «Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989) только намечали проблему идентичности без ее прямого словесного обозначения, то начиная с 2004 года данное понятие все чаще появляется в документах международного права: в 2004, например, в докладе ООН о развитии человека «Культурная свобода в современном многообразном мире» в упоминании «культурной идентичности» [22], в 2007 − в «Джокьякартских принципах» как рекомендации экспертов мирового уровня по применению международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности [5], в 2011 − в резолюции Совета ООН по правам человека «Права человека, сексуальная ориентация и гендерная идентичность» [23], не говоря уже о множестве заявлений, комментариев, рекомендаций и записей.

Подобный правовой интерес к «идентичности», однако, все еще не повлек за собой введение этого понятия в свод правовых, что закономерно поднимает вопрос: а рационально ли само требование «права на идентичность»? Возможно ли вообще введение идентичности в правовую плоскость? Ответу на этот вопрос в рамках концептуального философского анализа и посвящена данная статья, выстроенная по следующей структуре: 1) выявление сущности понятия «идентичность» и, соответственно, «права на идентичность»; 2) рассмотрение специфики концепта «права»; 3) сопоставление содержания данных понятий.

Понятие «идентичность»

Итак, обратимся к понятию «идентичность». Тот факт, что интерес первых философов к ἀρχή уже в лице Сократа обернулся рассуждениями о человеке, позволяет нам с уверенностью заключить, что вопрос о сущности мира всегда подразумевает − осознанно или бессознательно − вопрос о сущности человека. Каждая историческая эпоха на уровне категориально-понятийного аппарата оформляет этот интерес по-разному: «душа», «субъ-

ект», «личность», «индивид», «самость», «самосознание», «Я» – это лишь некоторые из способов концептуального осмысления человеческого существа. Вариацией же аналогичного любопытства в современности является понятие «идентичность».

Как пишет З. Бауман, вопрос об идентичности сегодня представляет собой совершенно новый принцип понимания человека, суть которого состоит не столько в «дано», сколько в «найти» [2, с. 185]. Проиллюстрировать этот бауманский тезис можно так: ключевым в дискурсе идентичности является уже не столько эссенциалистский поиск природы человека, который схож вопросом И. Канта «Что такое человек?» [24, p. 538], сколько конструктивистское выстраивание человеческой сущности самостоятельно, что можно выразить в вопрошаниях «Кем мне себя найти?» или «Кем стать?», вытекающих из сартровского понимания человека «как проекта самого себя» [12, с. 333].

Уже сама подобная постановка вопроса говорит о том, что единственного ответа на него быть не может: идентичность множественна, гибридна и несинтетична; она процессуальна и находится в постоянном поиске и трансформации; она может быть как результатом конвенциональной случайности, так и сознательного выстраивания; она всегда подразумевает обстоятельства негативности и отчуждения; она артикулируется в языке; она затрагивает не только проблему отличия людей друг от друга (или группы людей), но отношение человека к самому себе (Р. Брубакер, Ф. Купер) [20, с. 1]. Все это выливается в проблему исследовательского «схватывания» идентичности: она размыта и метафорична, что делает усложненным ее научное «препарирование» [26, с. 71].

Понятие «право на идентичность»

Требование права на идентичность, в рамках данных положений, является проявлением тройного желания: во-первых, видеть «идентичность» в качестве характеристики субъекта права, то есть утвердить субъект права носителем своеобразия, признанного законом и социумом; во-вторых, достичь «институционального равенства» всего отличного, то есть признать все отличающееся равнодостойным всему унифицированному; и, наконец, в-третьих, ввести идентичность в ряды тем, на которые направлена правовая и политическая работы государства [13, с. 52; 19, p. 49].

Ярко демонстрирующим эту тенденцию времени является феномен «политики идентичности» (англ. «identity politics» / «politics of identity»). Появившись в 1979 г. в работах Р. Анспача, данный концепт пережил несколько трансформаций значения: от борьбы за права людей с ограниченными возможностями и меньшинств до именования таким образом государственной политики по выстраиванию национального образа. На

сегодняшний же день наиболее общее определение политики идентичности сформулировано Дж. Наус: «политическая деятельность групп идентичности» [25, p. 752]. Подобные «группы идентичности» стали объектом интереса множества современных мыслителей и в самом общем виде могут быть описаны так: они общественно не признаны и нелегитимны; их социальный статус выстроен на основании какой-либо особой идентификационной характеристики (раса, этнос, гендер и др.); эта же характеристика воспринимается самой группой как приоритетная по отношению к другим источникам выстраивания смысла; борясь со статусом-кво, группа трансформируется в «идентичность сопротивления», то есть стремиться к дестигматизации и общественному признанию на общественно-политическом и государственном уровнях [8, с. 297]. В конечном счете, политика идентичности оказывается направленной на две основные цели, как пишет об этом Ф. Фукуяма, − изменение культуры и изменение поведения [14, с. 148].

Идеологической основой такого социально-политического феномена является либеральная теория права, представленная в лице Ф. Хайека, Дж. Роулза, Р. Рорти и др. Стремясь к обеспечению свободы индивида, либерализм, как описывает это Дж. Роулз в «Теории справедливости», пытается построить государство равных свобод, равных возможностей и дифференциации [11, с. 84-89]. Индивид в этом государстве ярко описан философом И. Берлином в «Двух пониманиях свободы»: он «делает то, что он способен делать», есть тот, «кем он способен быть», и сам служит «источником контроля или вмешательства» своих действий [3, с. 125]. Практически такой образ жизни выливается во множественные «хочу»: «хочу, чтобы моя жизнь и принимаемые мной решения зависели от меня», «хочу быть орудием своего собственного волеизъявления», «хочу быть субъектом», «хочу, чтобы мной двигали мои собственные мотивы и осознанно поставленные цели», «хочу быть деятелем, принимающим решения», «хочу сам собой руководить» [3, с. 137].

Современный же либерализм, в рамках которого и появляется требование «права на идентичность», идет немного дальше и высказывает требование не просто жизни, а жизни достойной, то есть поднимает проблему социальных гарантий прав и свобод индивида [1, с. 76]. Его опорная точка вполне может быть описана фрагментом С. Жижека о специфике прав человека: «Парадоксальным образом, я лишаюсь прав человека в тот самый момент, когда оказываюсь сведенным к человеку «в общем», становясь, таким образом, идеальным носителем тех «всеобщих прав человека», принадлежащих мне вне зависимости от пола, гражданства, религии, рода занятий, этнической принадлежности и т.п.» [6, с. 25-26] Борцы за право на идентичность понимают недейственность абстрактах прав человека, а потому вы-

ступают за права более определенные, конкретных групп с их конкретными идентификационными характеристиками.

Понятие «право»

Теперь обратимся к сущности права. Несмотря на то, что философские споры о праве, его сущности и специфике, не утихают, некоторые его характеристики уже считаются «общим местом», а именно его формализм. Как лаконично и афористично пишет об этом философ и правовед В.С. Нерсесянц, «право − математика свободы»: говоря и действуя мерами равенства, оно абстрагируется от фактических различий индивидов и сознательно обретает формальный характер [9]. Мыслители − как классические, так и современные − пишут об этом по-разному.

Классик философии права Г.В.Ф. Гегель определяет право как «наличное бытие свободной воли» и «свободу как идею» [4, с. 89], то есть движение свободной воли к установлению свободы [4, с. 67]. Этот путь, как пишет мыслитель, подразумевает постоянную работу с понятиями: «применение общего понятия к особенному», а затем принятие решений [4, с. 61-62]. Сложность же подобного процесса состоит в исторической его опосредованности: если идея права как свободы абсолютна, то все конкретные понятия права − в которых право реализуется как определенная ступень и форма свободы и как конкретный закон − лишь стремятся к идее: они ограничены, соподчинены и затрагивают лишь внешние стороны человеческих отношений [4, с. 15]. Как мы видим, правовая воля на практике, согласно Гегелю, оказывается формальной, а личность как ее основа − абстрактной: она руководствуется единственной максимой − «Будь лицом и уважай других в качестве лиц» [4, с. 98].

Особенности правового языка интересуют и современного мыслителя, представителя правового позитивизма Г. Харта. Язык права как и всякий человеческий язык, согласно Харту, − это «открытая структура» [10, с. 120]. Несмотря на то что на бытовом уровне закон ассоциируется с жёсткими установлениями, правовые понятия на самом деле неопределенны («vagueness») и отменяемы («defeasibility»). Именно благодаря этому обстоятельству возможно прецедентное право или оспаривание приговоров, свойственные судебной практике. Смысл понятия в праве фиксирован лишь в «сердцевине», а на периферии его значение размывается. Причина же такой неопределенности лежит в «свойствах используемых человеком логических категорий»: при использовании «общих образцов» в «конкретных случаях» мы неизбежно сталкиваемся с собственным недостаточным знанием фактов, а также неопределенностью нашей цели [16, с. 132]. В конечном счете, правовое понятие оказывается потенциально согласуемым с любой теорией с тем

лишь дополнением, что приоритетным принципом согласования является какое-либо разумное объяснение [15, с. 157-158].

Философские противоречия требования права на идентичность

Итак, теперь мы можем вернуться к исходной проблеме и вновь задаться вопросом: возможно ли вообще понятие «право на идентичность»? Осуществленное нами соотношение понятий «право» и «идентичность» позволяет обнаружить ряд противоречий, которые мы разделили на две группы − внутренние противоречия «права на идентичность», противоречия между понятиями «идентичность» и «право».

Итак, внутренние противоречия «права на идентичность». Во-первых, имея своим истоком либерализм, право на идентичность утверждает приоритет своеобразия перед абстрактностью, хотя последнее более свойственно либеральной мысли при рассуждении об индивиде. Во-вторых, желание зафиксировать идентичность как норму права противоречит самой сущности идентичности, которая принципиально размыта и метафорична.

Интересна и следующая группа − противоречия между понятиями «идентичность и право». Во-первых, будучи осмысленным как логическое продолжение права на жизнь, пол, гражданство и культуру, право на идентичность требует признания их изменчивости и подвижности, а иногда даже незначительности, что ставит его в противоречие с предыдущей правовой традицией. Во-вторых, требование фиксации идентичности как своеобразия индивида на понятийно-правовом уровне противоречит пониманию субъекта в праве, для которого все идентификационные характеристики индивида безразличны. И, наконец, в-третьих, требование признания полноты личностных характеристик, в чем состоит суть «права на идентичность», не может быть удовлетворено в правовой плоскости, специфика языка которой состоит в размытых и отменяемых понятиях.

Заключение

Таким образом, право на идентичность вытекает из либеральной традиции и ее современной тенденции к требованию не столько общих прав, сколько прав конкретных и нормализующих ценность не просто жизни, но жизни достойной. В политике идентичности подобная тенденция выражается в борьбе маргинальных групп за общественное признание и легализацию своих идентификационных характеристик. Несмотря на распространенность этой темы, понятие «право на идентичность», однако, оказывается недостаточно разработанным, что выявляется при философском сопоставлений понятий «идентичность» и «право»: «право на идентичность» вступает в противоречие как с сущностью самой «идентичности», так и сущностными характеристиками «права».

Несмотря на то что весь этот «клубок» противоречий настораживает, отказ от разработки понятия «идентичности» в современности не кажется возможным, так как его исследование соответствует и экзистенциальной, и социальной потребности современного человечества. Кризисы идентичности − частое явление современности, а человек, имеющий идентичности − это исторически новая формулировка, которая подразумевает новый способ мышления [27, p. 34]. Способ мышления, который в какой-то степени реализуется в логике «фантазма», описанной философом С. Жижеком [7, с. 105]: разговоры об идентичности − это не просто flatus vocis, а социальная сила: с одной стороны, они намекают на наличие в обществе определенных патологий и помогают их выявить, а с другой, они являются инструментом преодоления кризиса и создания новой реальности. Отказ же от осмысления идентичности, как пишет философ В. Хесле в «Кризисе индивидуальной и коллективной идентичности», может быть губителен − от утраты навыков ориентации в мире и их регулирующих ценностей и норм до регресса к архаичным и тоталитарным формам существования общества и человека в нем [17, с. 123].

Библиография:

1. Абрамова М.О. Трансформация понятия прав человека в либеральных концепциях. В: *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2015, № 2 (30), с. 75-82.
2. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. Москва: Логос, 2005.
3. *Берлин И.* Два понимания свободы. В: *Философия свободы. Европа*. Москва: Новое литературное обозрение, 2001, с. 123-185.
4. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. Москва: Мысль, 1990.
5. *Джокьякартские принципы: Принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности*. Женева: Совет по правам человека ООН, 2007.
6. Жижек С. *Против прав человека*. Москва: Свободное марксистское издательство, 2010.
7. Жижек С. *Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие*. Москва: Художественный журнал, 2003.
8. Кастельс М. Могущество самобытности. В: *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Москва: Academia, 1999, с. 292-308.
9. Нерсесянц В.С. *Право − математика свободы*. *Опыт прошлого и перспективы*. Москва: Юристъ, 1996.

10. Оглезнев В.В. *Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права*. Томск: Издательство Томского университета, 2012.
11. Ролз Д. *Теория справедливости*. 2-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 2010.
12. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм − это гуманизм. В: *Сумерки богов*. Москва: Издательство политической литературы, 1990, с. 319-344.
13. Тернборн Г. Мультикультуральные общества. В: *Социологическое обозрение*. 2001, т. 1, № 1, с. 50-67.
14. Фукуяма Ф. *Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия*. Москва: Альпина Паблишер, 2019.
15. Харт Г.Л.А. Аналитическая юриспруденция в середине XX века: ответ профессору Боденхаймеру. В: *Философия и язык права*. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017, с. 135-167.
16. Харт Г.Л.А. *Понятие права*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2007.
17. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. В: *Вопросы философии*. 1994, № 10, с. 112-123.
18. Appiah K.A., Gates H.L. Editors Introduction: Multiplying Identities. In: *Critical Inquiry*. 1992, № 18 (4), pp. 625-629.
19. Bernstein M. Identity Politics. In: *Annual Review of Sociology*. 2005, vol. 31, pp. 47-74.
20. Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity». In: *Theory and Society*. 2000, vol. 29, № 1, pp. 1-47.
21. Hall S. Who Needs «Identity»? In: *Questions of Cultural Identity*. London: Sage, 1996, pp. 1-18.
22. *Human development report 2004. Cultural liberty in today's diverse world*. New York: UNDP, 2004.
23. Human rights, sexual orientation and gender identity: resolution. Geneva: UN Human Rights Council, 2011.
24. Kant I. *Lectures on logic*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
25. Knouse J. From Identity Politics to Ideology Politics. In: *Utah Law Reviews*. 2009, № 3, pp. 749-796.
26. Melucci A. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003.
27. Moran M. Identity and identity politics: A cultural materialist history. In: *Historical Materialism*. 2018, vol. 26, is. 2, pp. 21-45.
28. Riesman D. Preface to the 1961 Edition. In: *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven: Yale University Press, 1961, pp. xxiii-lx.